
Николай Голицын

Внутренняя жизнь Пансиона*

Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастье куда б ни повело,
Все те же мы: нам целый мир чужбина,
Отечество нам Царское Село.

А.С. Пушкин

19 Октября 1825 года

Воспоминания не для
официального повествования

Все или почти все, что нужно и можно сказать о начале, истории, устройстве, управлении, состоянии и конце Благородного Пансиона Царскосельского Лицея — сказано. Остается изобразить картину или, по крайней мере, хоть легкий очерк того, что не подлежит официальному повествованию, но может быть известно только тем, которые сами были в том живыми деятелями и участниками, а именно — внутренней жизни Пансиона. Не безынтересно по прошествии столь долгого времени возобновить в памяти эту школьную жизнь в разных ее видах и с разными ее особенностями, в стенах родной школы, да еще в таком месте, как Царское Село, и с такою обстановкой, в какую был поставлен Лицейский Пансион.

«Отечество нам Царское Село!» —
квинтэссенция переживаний
лицейстов и пансионеров

Царское Село! — сколько значения, силы и обаяния в этих двух словах для бывших воспитанников Царскосельского Лицея и его Пансиона! Как громко и красноречиво говорят они их уму и сердцу! В Царском Селе были родные и дорогие им Лицей и его Пансион, в стенах которых они провели лучшие лета своей жизни — лета отрочества и юношества, приобрели неоцененные бла-

* Текст печатается по изданию: Благородный пансион Императорского Царскосельского Лицея. 1814—1829. Спб., 1869.

га высшего умственного и нравственного образования и приготовились с пользою и честью служить отечеству и обществу. Здесь была вторая родина их, где они сугубо родились для новой жизни — умственной и нравственной, на пользу общественную, и в этой второй родине их Царское Село, Лицей и его Пансион были так тесно связаны между собою, что составляли одно нераздельное целое, которое Пушкин удивительно метко, верно и сильно выразил одним словом — отечество: Отечество нам Царское Село!

Свидетельство Пушкина подтвердят все бывшие воспитанники Царскосельских Лицея и его Пансиона, и в свою очередь засвидетельствуют, как в них всегда сильна и жива была и будет привязанность к Царскому Селу, Лицею и его Пансиону, и как им дорога память о них!

С этими чувствами обращаясь к изображению внутренней жизни собственно Лицейского Пансиона, в его стенах, в Царском Селе, полагаю, что ее лучше всего проследить по порядку времен года, начиная с осени, присоединив к ней последний летний, но первый в учебном году Пансиона месяц август, с которого ежегодно обычною чередой возобновлялась жизнь Пансиона.

1. Осень

(август — сентябрь — октябрь — ноябрь)

Роняет лес багряный свой убор;
Сребрит мороз увянувшее поле;
Проглянет день как будто поневоле,
И скроется за край окружающих гор.

А.С. Пушкин

19 Октября 1825

Начало учебного года

Еще месяца за два до наступления изображенной здесь глубокой осени, к 1 августа, на большой почтовой шоссейной дороге из Петербурга и Москвы, вдоль большого сада возникало особенное движение. С обеих сторон, в собственных и наемных экипажах разного рода, или в дилижансах, с родителями, родственниками или провожатыми, с чемоданами, узлами и непременно домашними гостинцами, с разных концов России, собирались в Пансион его малые и большие питомцы. У парадного подъезда Пансиона

происходил съезд экипажей, как в театры, из экипажей выходили воспитанники, выносили пожитки, происходили прощания — и раскрытые двери швейцарской поглощали все новые и новые толпы приезжавших... Тяжелы были первые дни для воротившихся с каникул в домашнем приволье, особенно для юнейших: грустно, даже невыносимо, бывало иным, и ни ученье не шло в голову, ни кушанье в горло, и даже игры не занимали. Но у молодежи первые впечатления не продолжительны: перемена и новость положения, съезд товарищей из разных мест России, у каждого свои рассказы, а таких было всегда немало — все это служило развлечением, и недели через две все входило в свою обычную колею, как будто и каникул не бывало.

Суточный ритм жизни пансионеров

Сутки в Пансионе делились так: от 6 часов утра до 10 часов вечера, всего 16 часов — дневная деятельность, написанная по часам, с 10 часов вечера до 6 часов следующего утра — сон.

Пробуждение

В августе солнце в Петербурге встает в начале в 5-м, а в конце в 6-м часу, — следовательно, прежде пробуждения Пансионского улья. В спальнях внизу и вверху — все спит молодым крепким утренним сном. Внизу при входе в спальню младших классов, налево дверь ровно в 6 часов полуотворяется и из-за нее показывается человеческая фигура в ночном шлафроке и ночном колпаке. Это — почтенный инспектор Федор Евстафьевич Нумерс, имеющий свою спальню в преддверии и на страже спящего стана юнейших пансионеров, и ежедневно в 6 часов аккуратно, как хронометр, командуящий: «звони»! По этой команде дежурный дядька или сторож-инвалид, уже вооруженный колокольчиком — даром Валдая, немилосердно потрясает его по улицам и переулкам спален, и вдоль и поперек. Дар Валдая в руках дядьки или сторожа хоть мертвых расшевелит; но «спят себе живые, как мертвые». Однако вслед за звонарем уже идут дневные дежурные гувернеры и будят ленивых на разных диалектах. «Вставайте!» — раздается во всех углах — и улей начинает пробуждаться; а не прошло и $1\frac{1}{4}$ часа — уже поднялись и шум, и движение, и перекатная трескотня до 100 молодых голосов, и началось великое переселение народов от спален к умывальникам-самоварам, и плесканье водой среди неумолкаемого говора. Заспавшихся поощряют перспективой сухоядения, т.е. оставления без чая — и во-

лей-неволей расстается разоспавшийся и со сном, и с ночным ложем... Но — всему конец — и в 6 ¹/₂ ч. внизу и вверх раздастся 2-й звон колокольный — на молитву. По этому звону... идет вся масса в рекреационные залы, где в младших классах, по-классно, один по очереди читает утренние молитвы по печатной книжке, а в старших классах для всех вместе в общей зале те же молитвы читает один из голосистых, большею частью их певчих басов. Прочтены молитвы — и по 3-му звонку начинается шествие вниз... Вошли в столовую, сели за свои столы — младшие классы по пересядке, и принялись за чай, кто с молоком, кто без молока, а кто и одно молоко, заедая белым хлебом, а иногда (когда накануне за ужином была каша с маслом) и бутербродами...

Утренние занятия в классах

В 7 часов звонок — начало классов, и к старшим приходят профессора, к младшим учителя. В залах водворяется тишина, а из классов слышатся голоса или преподавателей, или отвечающих на их вопросы. 1-е утренние уроки и лекции начинались чтением преподавателя одной главы Евангелия (так заведено было Голицыным). Уроки и лекции были 2-часовые. В 9 часов звонок возвещал конец уроков и лекций, и рекреацию на 1 час, до 10 часов. Все толпой, с шумом валило из классов в залы, в галерею, в поле пред нею, где тот час же учреждались игры, а охотники до прогулок отправлялись на парнас и в остаток сада у него. Но были и такие, которые рассыпались по всем углам в Пансионе и на его дворах, кто играть, кто шалить, а кто и промышлять, чем бы позавтракать или у гувернеров, или у семейных дядек.

Но вот раздаются звонки и на крыльце галереи, и из окон Пансиона, выходящих на двор и в поле. 10 часов — и конец играм и гулянью... От 10 до 12 ч. — 2 ч. уроки и лекции, и снова тишина в залах... А в классах (младших) на столе преподавателя лежит разверзтою грозная книга судеб — классный журнал, в которой рукою преподавателя вписываются и добро, и зло, и награда, и кара — кому без одного-последнего, кому без двух последних блюд, а кому и вовсе без обеда. Такова участь, постигающая обыкновенно или особенно способных или особенно усердных к учению, либо невинно резвящихся в классе. Не есть даже одного блюда, а тем паче двух и трех — горькая участь! Но еще горше

была она, если преступнику предоставлялось, стоя у среднего стола, наслаждаться лицезрением, как товарищи истребляли и первое, и второе, и третье блюдо!

Но вот наконец раздается желанный и радостный звонок — 12 час., конец 2 уроков и лекций и шествие к обеду, после которого 1 1/2 часа до 2 час. рекреация! Шумно и весело выходит все из классов и тем же порядком, что и поутру, отправляется в столовую. Вошли, стали по местам за своими столами, учиненный чтец из старших классов (также большею частью из певчих басов) громко читает молитву перед обедом — звонок — с шумом садится вся шестиклассная компания — и начинается обед. Двумя вереницами справа и слева несут служители по большой суповой чашке с супом к каждому классу, разливают, подают — и начинается общий громкий стук тарелок и ложек при общем говоре и шуме более 170 голосов и тонких, и толстых. Гувернеры обедают тут же на верхних концах столов своих классов, прогуливаясь в промежутках блюд вдоль своих столов для соблюдения порядка. В числе этих блюстителей порядка особенное внимание обращает на себя человек довольно высокого роста и плотного сложения с добродушным лицом. На нем по тогдашнему обычаю белый галстук, серый фрак, черные панталоны и гусарские сапоги с кисточками. Это ветеран Пансион. Фотий Петрович Калинин, воспитатель, блюститель, хранитель и сберегатель преимущественно пичужек — так называл он обыкновенно маленьких, т.е. первоклассников и второклассников, иногда возвышаясь даже и до 3-го класса...

На дворе август — положим, синее небо, яркое солнце, теплый воздух: окна в столовой раскрыты — и благо, иначе с 1-го же блюда было бы душно и жарко. Скорее, чем рассказывается, скушано 1-е блюдо — суп, за ним — 2-е — мясное и в заключение 3-е — пирожное, какие-нибудь «алады, посыпан сахар», как безграмотно писал буфетчик из чухонцев или латышей — и конец трапезе.

Звонок — с криком разом все встают и отодвигают табуретки, чтец читает молитву после обеда, и младшие впереди, шумно валит ватага в галерею и в поле. Снова, как в 10 часу утра, все рассыпается, ходит, бегают, играет. И теперь, как утром, мигом устраивается лапта с записными мятежниками, каждый раз без промаха

бьющими резиновый мячик (собственной фабрикации) под небеса или на какую угодно высоту или в любом направлении, иные даже левшой (левой рукой). А бегунов-то, бегунов, да еще каких? — как зайцы, и не оберешься. Что это, в самом деле, за искусники бывали, да еще во всякого рода искусствах, и без всяких гимнастических упражнений с машинами и учителями, а просто так себе, как Бог послал, и мать-природа научила. Бывало, и не принимавшему участие в больших играх, со стороны любо-дорого было смотреть на них, ни дать, ни взять, я думаю, как древним, классическим грекам на их общественные игры, борьбы, беги и конские ристания. И нужно сказать, что игры пансионские с утра до вечера становились постепенно все живее и интереснее: после обеда более, нежели утром, после вечернего чая более, нежели после обеда, но после ужина это уже были решительно турниры, в которых принимали участие все классы вообще и все самые сильные, ловкие и бойкие игроки в особенности, так что эти после — ужинные игры были настоящими и интереснейшими вечерними спектаклями пансионскими, особенно в ясный, теплый вечер. В этом отношении пансион имел решительное преимущество перед Лицеом, которому играть в большие игры было негде: на его тесном дворе ни бегать, ни особенно в мяч, в лапту или в бары играть было невозможно или по крайней мере неудобно; того и гляди, что вышибешь стекла или у себя в Лицее или в Знаменской церкви, или во дворце. И приходилось играть чинно и степенно на узеньком Лицейском дворике, да чинно и скромно гулять в маленьком Лицейском садике. То ли дело в Пансионе: было где разбежаться, куда мяч пустить без боязни сшибить с ног посторонних, или произвести сборище на улице, или разбить стекла в окнах... Нет, пансионские игры вместе с танцеванием, фехтованием и домовыми отпусками в родительские дома даже так называемых увальней и хомяков превращали более или менее в развязных и ловких молодых людей, благотворно действуя вместе с тем на здоровье и развитие физических сил воспитанников Пансиона. Лицейским же именно не доставало широкого простора ни для игр, ни для ходьбы и бега на дворе и в саду у себя дома; — прогулки же в дворцовом саду и в окрестностях Царского Села были соединены со совсем иными условиями...

Продолжение занятий
по классам

В августе и сентябре в ясную, теплую погоду случалось, что после обеда воспитанники ходили по классной с гувернерами гулять в дворцовый сад и в окрестности Царского Села. Но это случалось чаще в воскресные и праздничные дни, нежели в недельные, в которые могли развлекать во вред учебным занятиям.

В 1 $\frac{3}{4}$ ч. — звонки в классы; от 2 до 5 ч. — по два урока и две лекции (3-й и 4-й); в 5 ч. звонки к вечернему чаю, после которого было 1 $\frac{1}{2}$ часа рекреации, от 6 $\frac{1}{2}$ до 8 ч. вечерние занятия, приготовительные к следующему дню: в младших классах так называемые репетиции или часы с репетицией, в классах под надзором дежурных гувернеров, а в старших — по воле воспитанников, частик» в классах, большею же частию каждого в своей спальне, также под надзором дежурных гувернеров...

Об обстановке классных комнат

Несколько слов о внутренней обстановке классных комнат.

Во всех классах было по одной большой черной доске на квадратном возвышении в одну ступень (исключая 6-го класса, в котором возвышения не было), с столом и стулом перед доскою на возвышении, и затем скамьи с наклонными перед ними досками для писания, с утвержденными сверху оловянными чернильницами и с полкой внизу для тетрадей и книг. Скамьи на два человека в 1, 2, 3 и 4-м классах и на одного в 5-м и 6-м, были крашены серой, а верхние доски их черной масляной краской. В 1, 3, 4, и 5 классах, выходивших окнами на двор, скамьи стояли в 2, 3 или 4 ряда с проходами между ними. Но во 2-м и 6-м классах, выходивших окнами на улицу, были некоторые особенности. Во 2-м против входа между двух окон была доска на возвышении, а по обе стороны комнаты вдоль стен стояло амфитеатром по два ряда скамей. 6-й класс прежде помещался в небольшой и тесной комнатке с окном на двор... Но потом... он был перемещен в правую угловую комнату с 2 окнами на улицу, где был физический кабинет. Шкапы с инструментами остались на своих местах по стенам, а скамьи воспитанников поставлены полукружием против доски и стола профессора, стоявших на полу без возвышения... Физические опыты производились тут же. В прежнем же помещении 6-го класса остались шкапы с библиотекой Пансиона, впрочем, очень небольшой.

В этих-то классных помещениях происходили утренние и послеобеденные классные занятия, а ввечеру от 6 ¹/₂ до 8 ч. в младших классах и репетиции, — в 1-й половине августа еще без огня, но со 2-й половины и конца этого месяца уже при огне одной стенной лампы возле кафедры и по одной сальной свече в медном подсвечнике на каждого воспитанника. В залах также зажигалось по одной лампе. Лампы зажигал Пансионский ламповщик Аверьян...

В одно время с классами и залами освещались лампами и швейцарская, и лестница, и спальни внизу и вверх, и галерея, а во время чая и ужина — и столовая.

Вечернее времяпрепровождение

Воспитанники старших классов ввечеру занимались, как уже сказано, большею частию в своих спальнях, а кто хотел — и в своих классах. Так как они пользовались большею свободою, нежели воспитанников младших классов, то и разнообразили свои келейные занятия по временам или хождением по коридору спален, или музыкальными занятиями некоторых дилетантов, особенно флейт-клаверсистов и кларнетистов, от которых чаще и больше всего приходилось терпеть занимавшимся делом соседям. Впрочем, прогулки по коридору, игра на флейтах и кларнетах, подчас оживленный разговор или спор в одних спальнях не нарушали особенно общей тишины и порядка и не мешали занятиям: все более или менее к тому привыкли. К этому нужно еще прибавить, что в хорошую и теплую погоду, например в августе, иногда и в сентябре окна спален на улицу и двор, и по концам коридора (полукруглые, венецианские), на шоссе к Петербургу и к Москве можно было отворять и наслаждаться и прелестью вечера, и видом сада, дороги и окрестностей и слушать неумолкаемый шум водопадов и крик лебедей в дворцовом саду, или звон почтового колокольчика на прибывшем большою почтовою дорогой. Такие вечера при открытых окнах верхних спален имели своего рода необыкновенную прелесть.

Вечерняя трапеза

Но вот — и внизу, и вверх раздаются звонки — 8 часов к ужину. Старшие сверху впереди, младшие из классов за ними отправляются в столовую, где тем же порядком, что и обед, происходит ужин, состоящий из двух блюд, и с конца августа уже при лампах. Вторым блюдом чаще всего бывала каша с коровьем маслом, которого каждому давалось по куску. Эти куски масла не-

которые гастрономы предпочитали сохранять в стаканах с водою, наглухо прикрытых черным хлебом и передаваемых служителям к утреннему чаю для потребления с белым хлебом в виде бутербродов. И замечательно, что на следующее утро все стаканы с маслом, не перемешиваясь, попадали на свои столы и тотчас без труда разбирались теми, кому принадлежали.

Ужин продолжается недолго; — звонок — и все шли через галерею на большой двор, где смотря по времени года и месяца, если еще не было слишком темно, тотчас же устраивались общие бары на два лагеря. В августе, в 1-й половине, в эту пору (8 ¹/₂ — 9 ¹/₂ ч.) еще не очень темно, и играть было можно; — но со 2-й половины уже становилось темно, и потому на двор уже не ходили, а шли в залы, где в большой старшие прогуливались по одному, по два или более взад и вперед, а младшие классы в своих залах проводили последнюю рекреацию перед сном или в ходьбе, или в беганье, или в играх.

В 9 ¹/₂ ч. звонки звонили на молитву, которая читалась в старших и младших классах, как поутру, и затем старшие шли наверх, а младшие по-классно, 1-й класс впереди, вниз в свои спальни. Здесь начиналось раздевание, умыванье, укладыванье а постели, в младших классах при таком же говоре и шуме, как по утру, только постепенно слабевшим. Наконец в 10 часов лампы тушились и по всем коридорам на целую ночь зажигались жестяные ночники с сальными свечами на воде. Ночные дежурные гувернеры и дядьки сменяли дневных, и в 10 часов Пансион погружался в сон...

Наверху гг. студенты, особенно 6-го класса, изволят еще прогуливаться по два, по три и более по коридору в приятных разговорах, и наконец в 10 часов по усиленным просьбам дежурного ночного гувернера (имевшего в самой середине свою особую спальню) расходятся по своим спальням и ложатся, но и лежа в постелях продолжают еще иногда по местам свои беседы. Но вскоре и здесь воцаряется тишина...

Кончился Пансионский день... проходит и сонная ночь, а на другой день с 6 часов утра опять тот же порядок.

Один за другим, один, как другой, неприметно прошли шесть дней недели, и наступило воскресенье. Это день, как и все праздничные, в жизни Пансиона совершенно выходил из ряда недельных, рабочих. С утра воспитан-

ники заняты более обыкновенного своим туалетом, начиная с перемены белья: одеваются, прибираются, приглаживаются, готовятся идти в свои церкви (православную, католическую, лютеранскую) к обедне, а потом гулять или в гости.

Посещение церкви

Католики и лютеране к 10 часам отправляются с гувернерами своих исповеданий в Царскосельские церкви: Римско-католическую и лютеранскую. Православные, же идут по-классно с дежурными гувернерами из Пансиона прямо через входные ворота в большой дворцовый сад, вдоль берега озера или большого пруда мимо Камероновой колоннады направо, либо от большого пруда направо в большую аллею вдоль набережной — в соборную церковь Царскосельского дворца к обедне в 11 часов в Высочайшем присутствии Государя Императора Александра Павловича и Государыни Императрицы Елизаветы Алексеевны (во время их присутствия в Царском Селе). Они обыкновенно переезжали из Зимнего Дворца после Пасхи, вскрытия Невы и наведения мостов сначала в Каменноостровский дворец, а потом в Царское Село до половины июня. С этого времени до августа Двор был большею частию в Петергофе, а по окончании Красносельского лагеря переезжал снова в Царское Село, откуда Государь, иногда ранее, иногда позже (обыкновенно после праздника Преображения, 6 августа, и не позже 31 августа или 1 сентября, после дня Ангела Государя) отправлялся в обычные свои поездки по России или за границу. Между тем вдовствующая императрица Мария Федоровна из Зимнего Дворца переезжала прямо в свой любимый Павловск, где и оставалась до половины осени, за исключением времени с конца июня (перед Петровым днем) до конца июля или начала августа, которое проводила в Петергофе, где, как известно, особенно торжественно праздновался день Ее Ангела, 22 июля, между прочим столь известными Петергофскими: народным гуляньем и иллюминацией.

И так, во время пребывания Двора в Царском Селе воспитанники Пансиона, как и Лицея, и как все посторонние лица, жившие в Царском Селе, ходили к обедне в большую дворцовую церковь. Только после пожара дворца в 1820 году и во время переделки дворца и церкви, равно большею частию в отсутствии Двора из Царского Села, когда не всегда бывала служба в дворцовой церк-

Обедня с участием Император-
ской семьи и Двора

ви, воспитанники Пансиона ходили в Знаменскую воз-
ле Лицея бывшею тогда приходскою и по малой вели-
чине своей очень тесную и неудобную, а иногда и в Со-
фийский Собор Лейб-Гвардии Гусарского полка, нахо-
дившийся тогда совершенно в поле.

В дворцовой церкви воспитанники Лицея имели важное
преимущество становиться вдоль левой стороны
против правой входной двери из большого коридора,
а воспитанники Пансиона непосредственно за ними.
Прочие же, городские посетители, стояли под хора-
ми. Правая сторона оставалась свободною для лиц
Двора.

К 11 часам, по обычаю, проскомидия была совершена, ча-
сы прочитаны, Царские двери раскрыты, служащие,
священник и диакон стояли перед ними, лицом ко вхо-
ду, хор придворных певчих с Бортнянским на правом
клиросе, в церкви глубокая тишина. В 11 часов обе по-
ловины правой входной двери отворялись придвор-
ными лакеями — и величественно входили Государь и
Государыня, которую он вел под руку. Государь был
обыкновенно в виц-мундире Л.-Гв. Гусарского полка,
придерживая левой рукой шляпу с белым султаном и
саблею. Войдя в церковь, Государь и Государыня тот-
час оборачивались к иконостасу, крестились, кланя-
лись духовенству и присутствовавшим в церкви, кото-
рые отвечали почтительным поклоном; — затем стано-
вились за правым клиросом — и немедленно начина-
лась обедня.

Кто хоть раз присутствовал при такой обедне и видел во
время ее Императора Александра Павловича и Импе-
ратрицу Елизавету Алексеевну от входа их в церковь
до выхода из нее, и слышал эту величественную при-
дворную обедню и чудное пение превосходных голо-
сов придворных певчих, управляемое Бортнянским —
тот век этого не забудет! Что ж сказать о воспитан-
никах Лицея и Пансиона, которые ежегодно во все вре-
мя пребывания Двора в Царском Селе, каждое воскре-
сенье имели неоцененное счастье слышать эту обедню
и этих певчих, но особенно — видеть Государя и Госу-
дарыню! Уже один вход и выход их, и невыразимая
прелесть их поклонов и всех движений никогда не мо-
гут изгладиться из памяти тех, которые имели счастье
видеть их! Понятно поэтому, какими особенно торже-
ственными для воспитанников Лицея и Пансиона бы-

ли воскресные и праздничные дни, какие это были для них истинно праздники.

Обедня и пение шли довольно скоро, и к 12 часам по окончании обедни Государь и Государыня совершенно так же, как при входе, перекрестившись на иконостас, поклонившись духовенству и присутствовавшим в церкви (из коих первым поклоны царские приходились воспитанникам Лицея и Пансиона, которых Государь называл своими), выходили из церкви.

Время после воскресной службы

А воспитанники Пансиона, полные самых отрадных ощущений, по выходе из церкви весело возвращались в Пансион к обеду, а многие прямо из церкви расходились с дядьками по Царскому Селу к родителям, родственникам или знакомым. Таких всегда было довольно, и в пансионе обедало одною четвертью, третью, а иногда и на половину менее, нежели в обыкновенные дни. И обед по воскресеньям и праздникам был иной: блюд было четыре, и они были лучше и изысканнее недельных. А после обеда воспитанники вскоре отправлялись гулять по-классно или особыми сборными компаниями с гувернерами или в большой сад, или в окрестности Царского бела, или в Павловск. По вечерам же после вечернего чая по причине сокращения дней и ранних сумерек со 2-й половины августа такого рода прогулки уже не делались.

Царскосельский сад и Павловский парк — излюбленные места прогулок пансионеров

Царскосельский сад был ближайшим, обыкновеннейшим и любимейшим местом прогулок. Да и подлинно, обширность этого сада или лучше сказать, нескольких садов, в нем заключавшихся, позволяла чрезвычайно разнообразить прогулки в нем, а великолепие и роскошь его, истинно царские, доставляли этим прогулкам необыкновенную прелесть. Но как ни обширен был царскосельский сад, можно решительно сказать, что не было ни одной части его, ни одного уголка, ни одной дорожки, даже ни одного кустика, которые бы не были коротко знакомы и любезны воспитанникам Лицея и Пансиона. Любовь их к Царскосельскому саду была тесно и неразрывно соединена с привязанностью их к самому Царскому Селу, к Лицею и Пансиону...

После царскосельских садов и парков первое место в числе прогулок пансионеров занимал прекрасный в своем роде Павловский сад с его парком. Павловск, любимое местопребывание Императрицы Марии Федоровны, воспетый Жуковским, постоянно проводившим в нем

лето и осень, как Карамзин в Царском Селе, — украшенный дворцами, прекрасным садом и парком по обе стороны реки Славянки, с изящными постройками в них, с летними дачами многих придворных, знатных или богатых людей, и живописными окрестностями, — имея своего особенного рода привлекательность для летних прогулок и жительства в нем. Особенно по воскресным и праздничным дням он привлекал многих из Царского села и Петербурга как для прогулок, так и для того, чтобы видеть Императорскую Фамилию, проводившую эти дни большею частью семейно у Императрицы Марии Федоровны.

Близость проживания императорских особ

Ведя простую и скромную жизнь в дни недельные, она соблюдала некоторый этикет в воскресные и праздничные дни, но и тут умея соединять с ним необыкновенное внимание к доставлению возможного удовольствия своим гостям. После обедни в дворцовой церкви публика, уже в большом количестве гулявшая в парке и пользовавшаяся предлагаемыми ей в эти дни в молочном домике и на ферме прекрасными молочными произведениями последней, часто видала Императрицу с ее свитою, гулявшею пешком или в придворных линейках. К обеду во дворце обыкновенно приезжали из Царского Села Государь и Императрица Елизавета Алексеевна, и собирались другие члены Императорской Фамилии. После обеда была обыкновенно прогулка двора в линейках по парку, часов в 7 было представление в дворцовом театре, и день оканчивался танцами или в Розовом павильоне, или в большой гостиной нижнего этажа дворца окнами на противоположный каскад, который в эти дни обыкновенно бывал в полном действии и во всей красе. Павловская хозяйка была до того внимательна к публике, что позволяла допускать ее к самым окнам гостиной, где танцевали, и приказывала выносить ей фрукты, мороженое и прохладительные напитки. Осенью вечера оканчивались иногда фейерверком. В эти дни с утра шоссе между Царским Селом и Павловском бывало покрыто шедшими пешком или ехавшими в экипажах в Павловск, и точно такое же было и обратное движение поздно вечером и даже ночью.

Радость воскресных и праздничных дней для пансионеров

Для пансионеров эти воскресные и праздничные прогулки в Павловск (осенью — днем, а весною — днем или ввечеру) имели необыкновенную прелесть и привлека-

Приближение зимы

тельность. Можно было и вдоволь нагуляться, и полакомиться молоком, творогом и пр. в молочном домике или на ферме, и видеть Императорскую Фамилию, и двор, и их прогулки, и спектакль, и танцы...

Но с октября оканчивались уже для пансионеров прогулки в Павловск и реже становились прогулки в Царско-сельском саду, и то только по воскресным и праздничным дням, в хорошую погоду и после обеда...

В ноябре уже устанавливалась зима и санный путь, а иногда продолжалась осенняя, но временами очень бурная погода. Так 7 ноября 1824 года, когда в Петербурге было большое наводнение, в Царском Селе была страшная буря с таким сильным ветром, что в саду поломало множество деревьев, а с пансионских и других крыш сорвало и носило по воздуху железные листы, и произошло много других повреждений...

Между тем время идет и решительно близится к настоящей зиме: снаружи либо грязь, либо снег, сыро, холодно, и днем пасмурно, а внутри в Пансионе давно уже вставлены зимние рамы, топят печи, в галерее сыро и холодно, воспитанники ходят через нее уже в шинелях...

2. Зима

(декабрь — январь — февраль)

С белыми Борей власами
И с седой бородой,
Потрясая небесами.
Сыпал иней пушистый
И метели воздымал.

Начало зимы с празднование дня
рождения Императора

Наступила наконец и настоящая зима по календарю, со снегом, морозом, санным путем, замерзшими водами и метелями. Самый первый день зима по календарю — 12 декабря, на память Св.Спиридона Тримифунтского, что в народе называется Спиридона -поворота, солнца на лето, зимы на мороз, — Пансион праздновал высоко-торжественно. Это был день рождения Государя Императора Александра Павловича, торжественно празднуемый и всею Россиею. День этот пансионеры начинали обедней с молебствием в придворной церкви, а затем половина расходилась по Царскому Селу, а другая возвращалась в Пансион обедать и потом гулять. Многие

из воспитанников имели своих родителей и семейства в Царском Селе и к ним по праздникам собирались пансионские товарищи их, и время проводилось весело, днем в гуляньях пешком и катаньем на санях, а вечером и в танцах. Одним из таких средоточий для лицейстов и пансионеров по праздникам был, между прочим, гостеприимный дом князя Федора Сергеевича Голицына (ныне принадлежащий князю Барятинскому на углу против Александровского дворца и парка, и бывшего лицейского сада), двое сыновей которого воспитывались в Пансионе. Там по воскресным и праздничным дням собиралась целая толпа лицейстов и пансионеров, и у приветливых хозяина и хозяйки дома проводила время как одна родная семья, а ввечеру несколько больших саней развозили гостей в Лицей и Пансион.

А хорошо было в Царском Селе и в Пансионе и зимой, разумеется, если она была снежная и морозная, а дни стояли ясные. В Царском Селе, благодаря строгому блюстителю порядка и чистоты в нем главноуправлявшему им и его дворцовым правлением генерал-лейтенанту Захаржевскому (назначенному на эту должность в 1814 году, в самый год открытия Пансиона), улицы были старательно вычищены, снег собран правильными кучами по сторонам, и весь город имел, как и летом, ему собственно свойственный, правильный и опрятный вид. В большом саду и в парке некоторые главные дорожки и дороги были расчищены от снега, и первые из них усыпаны песком (как, например, кругом большого пруда и от него ко дворцу). Вид их зимой имел свою особенную физиономию, не лишенную оригинальной красоты. Над снежной пеленой, покрывающей пруды и берега их, и все пространство сада и парка высились огромные старые деревья, и целые аллеи, и кусты стояли густо напудренные снегом, а между тем водопады, по крайней мере некоторые, более значительные, не прекращали своей работы и своего неумолчного говора. Чуден был вид сада в этом зимнем уборе его в тихие ясные и солнечные зимние дни; но для любителей и ценителей красот природы он и в пасмурные, ветреные дни не лишен был особенной привлекательности. Тогда по поверхности прудов и открытых мест крутились снеговые столпы, и весь сад наполнялся гулом, шумом и говором деревьев и всего сада!..

Зимние развлечения пансионеров
на улице

Представьте себе прогулки... молодежи пешком в саду или по праздникам в саних по улицам или окрестностям города, и вы поймете, что и зима не менее других времен года имела для нее свою обворожительную сторону и оставляла в ней самые приятные воспоминания. Менее простору и раздолья было внутри Пансиона Зимой, нежели весной, летом и осенью, потому что большой двор и сад — были завалены снегом и туда воспитанников не пускали... Но и на маленьком дворике за недостатком большого можно было в зимнее время порезвиться, позабавиться снежками, а на замерзшем прудке и покататься на коньках или без них...

Зимние праздники в Пансионе

...Пансион, только что отпраздновав начало зимы и день 12 декабря, вскоре видел себя уже накануне Рождества Христова и Святки, которыми собственно начинался его зимний сезон. На Рождественские святки не распускали всех без исключения по домам, но только некоторых, имевших родителей и семейства в Царском Селе, Петербурге и его окрестностях. Эти блаженные проводили праздники и Святки дома и возвращались после Крещения, все прочие же оставались в Пансионе и проводили Святки по-праздничному у родных и у знакомых семейств в Царском Селе.

Танцевальные вечера

После Крещения до масленицы возобновлялось учение и обычный порядок с тою разницей, что в это время бывали иногда и в Пансионе по праздничным дням некоторые зимние увеселения, как например — танцевальные вечера под музыку между воспитанниками в большой зале старших классов или у директора Пансиона, или у кого-либо из семейных профессоров или гувернеров, или наконец в некоторых домах и семействах Царского Села. Всех оригинальнее были, разумеется, танцевальные вечера в Пансионе между воспитанниками, хотя они случались и не часто. Тут лучшие ученики Эбергардта, корифеи этих вечеров, имели случай выказывать свои таланты в высоких и сложных *entrechats*, *Jets battus* и тому подобных хореографических хитростях, бывших в большом ходу в то время, когда на балах действительно танцевали, а не прогуливались, лениво двигая ногами. В числе этих корифеев бывали отличные танцоры французских кадрили, вальсов в три темпа и мазурок со всеми стародавними фигурами. Бывало, во французской кадрили два корифея, один против другого, вылетят *en avant deux* — как

будто их из пушки выпалят, — и на середине один перед другим, оба разом исполняют такие отчаянные *entrechats*, что чуть не до потолка! А мазурку некоторые отплясывали с чисто польским национальным шиком, и нужно по справедливости сказать — отлично! За то же и рядом с корифеями бывала и другая противоположность: усердные к плясу, но, увы! Не довольно искусные в нем, а подчас и неловкие, и неуклюжие выплясывали по образу и подобию медвежьему, на смех всему миру пансионскому, ни мало не конфузясь тем. Словом, и веселья и смеху было вдоволь. А музыка была полковая, обыкновенно австрийская, т.е. Гренадерского Императора Австрийского полка, квартировавшего в Царском Селе и который в Пансионе сокращенно называли австрийцами... Пансионские балы с австрийскою музыкою полковою очень живо походили на деревенские балы в Евгении Онегине...

Зимний сезон с его увеселениями завершился наконец масленицей... На масленицу или, правильнее сказать, на три последние дня ее общего отпуска воспитанников Пансиона не было... Впрочем еще до отпуска воспитанники справляли масленицу в Пансионе, как водится, блинами, которые подавались за обедом, а также добывались со стороны — у семейных гувернеров и дядек. Из этих последних главным поставщиком блинов на масленице и всякого рода лакомств, как-то: дешевеньких леденцов, конфет, шоколаду и т.п., во всякое время для пансионских лакомок был пользовавшийся в то время большою известностью и еще большей популярностью между ними дядька, дворовый человек воспитанников — братьев Васьковых, Иван Тимофеевич, имевший жену Марью Ильиничну и кучу детей, мал-мала меньше. Это хлебосольная (за деньги) семья так была известна между пансионерами нераздельным названием: Иван Тимофеевича и с Марьей Ильиничной. Славные блинки пекла последняя, и прямо со сковородки, горяченькие, с маслом, они гастрономически вкушались юными посетителями этого пансионского кафе-ресторана. А с прекращением в четверг классов и с отпуском воспитанников последние три дня проводились в масленичных увеселениях разного рода, какие только возможны были в Царском Селе и в Пансионе. Сюда принадлежали: прежде всего, разумеется, едение блинов и у Ивана Тимофеевича, и у семейных

Проступок пансионеров на
масленицу 1822 года

Жизнь пансионеров во время
Великого поста

служащих чинов Пансиона, и за обедом, и в частных домах, и гулянья пешком и катанья на санях, и обеды, и вечера в Царском Селе. Недоставало только театров и балаганов, которых в Царском Селе не было, но ледяные катальные горы были в разных местах, и в самом Пансионе, и катанье на них, а также и на коньках, производилось воспитанниками исправно и усердно. Словом, оставшиеся в Пансионе даром трех последних дней масленицы не теряли и веселились как могли.

Но масленица 1822-го года, проходившая с 6-го по 12-е февраля (Пасха была в этом году 2-го апреля) вышла совсем из ряда других — началась весело, а разыгралась печально. На ней именно произошло то важное событие, когда 6 или 7 взрослых воспитанников VI класса, на выпуске, изволили прогуляться ввечеру без гувернера и даже без дядьки! Проступок 7-ми гуляк, возведенный на степень преступления, был, как сказано, строго наказан на них и на Пансионе — и повлек за собою крутую реформу в главном управлении и Пансионом, и Лицеем...

В последнее, Прощальное Воскресенье на масленице, к 9-ти часам вечера все воспитанники Пансиона, бывшие в отпуску, возвращались — и конец масленице, а с нею и зимнему сезону, и с следующего же утра, в понедельник 1-й недели Великого поста начиналось говение воспитанников. На всю эту неделю законоучитель и духовник Лицея и Пансиона приезжал уже на жительство в Царское Село и совершал в большой зале старших классов для всех православных воспитанников вместе в понедельник утром и во все дни с понедельника до пятницы включительно по вечерам — утреню (в первые 4 дня — с чтением Великого канона). В понедельник, вторник и четверг к часам и вечерне, а в среду и пятницу к преждеосвященным обедням воспитанники ходили либо в церковь Царскосельского дворца, если служба была в ней, либо в приходскую Знаменскую церковь возле Лицея, причем за обедней пели певчие или Лицея, или Пансиона (и нужно сказать, пели хорошо) под управлением своего учителя пения Гальтенгофа. В четверг, часа два после часов и вечерни начиналась уже исповедь воспитанников I, II и III классов в одной из их классных комнат и продолжалась до позднего вечера. Исповедавшиеся шли в тот же вечер в баню. В пятницу между обедней и утреней вве-

черу и после этой утрени воспитанники IV, V и VI классов исповедывались в классной комнате IV класса и после исповеди также шли в баню. Наконец в субботу все говевшие и исповедавшиеся воспитанники шли в дворцовую церковь к обедне, которую по этому случаю служил часов в 9 утра сам законоучитель и духовник Лицея и Пансиона протоиерей Кочетов. Перед обедней читалось правило перед причащением, а в конце обедни после прочтения общей для всех передпричастной молитвы все в порядке, младшие классы впереди, подходили к причащению и были причащаемы духовником. Затем по окончании обедни, прочтении послепричастных молитв и целования креста причастники возвращались в Пансион. Во всю эту неделю классов не было, а чай, обед и ужин для православных воспитанников были постные, для католиков же и лютеран — скоромные, почему православные садились в столовой на 4-х верхних столах, а католики и лютеране все вместе на 2-х нижних, младшие классы с младшими, а старшие со старшими.

3. Весна (март — апрель — май)

O primavera, gioventu dell'anno!
O gioventu, primavera della vita!
(О весна, юность года!
О юность, весна жизни!)
(Из итальянского стихотворения)

Начало весны — ощущение приближающегося конца учебы

9-е марта, день 40 мучеников и начала весны по календарю! Прощай зима, здравствуй весна — юность года, расцвет и радость природы и Пансиона! И в нем обновляется жизнь, украшаемая веянием весны и мечтами о близких праздниках Пасхи и не очень далеком роспуске на летние вакации или каникулы, а кому и о совершенном выпуску из Пансиона!..

А тут глядишь, пролетели все средние недели Великого поста, прошло и Вербное воскресенье с молодыми вербами — и наступила Страстная неделя... Встрепенулся пансион: домой, домой, at home, туда, где зреют не лимоны, а все радости семейные и столичные на Святой неделе. Прошли три первые дня Страстной недели, на-

стал наконец четвертый, Великий четверг — и как рой пчел из родимого улья, миглом разлетелись 2/3 Пансиона на все четыре стороны света, особенно на север — в град Св. Петра. Остались лишь иногородние, пришельцы дальних стран Великой, Малой, Белой и всех прочих России! Но не горюйте о них: не останутся они в накладке, и для них радушно раскроются двери хлебосольных домов Царского Села, и Святая неделя пройдет и ими не скучно. В Великие: пятницу и субботу ходят они к службам в Церковь, там же встречают в полночь величайший христианский праздник Светлого Христова Воскресенья, и похристосовавшись и разговевшись идут к товарищам и их семьям, живущим в Царском Селе, и к царскосельским знакомым, и один день, и другой, и третий, и так далее до конца...

А конец-то именно и недалек: долго ли длиться Святой неделе? Летит она еще скорее, нежели время до нее — и вот уже Фомино воскресенье, и ввечеру пчелки возвращаются в свой улей... Хромает ученье на Фоминой неделе — голова еще слишком полна весельями скоро минувшей недели для того, чтобы в нее вмещалось, как следует, ученье. Но это продолжается недолго: прошла Фомина неделя — и все опять втянулось в обычный порядок и пошло по-прежнему, тем более, что впереди если еще довольно далеко блаженные каникулы, то до них предстоит довольно дела и труда.

Честные состязания — преимущество общественного воспитания перед домашним

Нужно закончить учебные курсы, а там, благословясь, и за экзамены, переводные и особенно выпускной, публичный, а это что-нибудь да значило. Подобно тому, как на настоящем ипподроме рьяные ездоки и кони, чем ближе к цели, тем горячее рвутся к ней, так и в Пансионе — необходимо сугубо приложить труд к труду и старание к старанию, чтобы первым прийти к цели, либо перегнать, догнать или по крайней мере не отстать в хвосте. Это своего рода скачка с препятствиями, не только не имеющая ничего предосудительного, но и напротив составляющая одно из главных: преимуществ общественного воспитания перед домашним. Состязание (конкуренция) в честных и благородных пределах — дело столь же похвальное, сколько и самый труд, к которому оно побуждает и поощряет.

Приготовление к экзаменам

С этой целью в виду, уже заранее составляются, более или менее, свои кружки или артели, соединенными силами работающие дружно, усердно и деятельно, даже за счет

ночного сна (с вставанием за 1, 2 и даже 3 часа), над повторением годичного курса и приготовлениям к экзаменам.

И тут положительно можно сказать, что за исключением отпетых бездарностей и лентяев, все остальные воспитанники всех классов, особенно старших, серьезно принимались за работу и трудились неусыпно и неустанно...

Пансионский недельный день весною особенно отличался в мае по вечерам после вечернего чая. То было — хождение на музыку, игравшую на большом дворе Царско-сельского дворца у гауптвахты, и заключающуюся в 9 часов вечерней зарей с церемонией.

В мае, в Царском Селе ежедневно ввечеру от 7 до 9 часов у главной дворцовой гауптвахты играла полковая музыка гренадерского Императора Австрийского полка или по-пансионски — австрийская, так как и караул бывал от того же полка. На эту музыку в светлые майские вечера собирались жители и жительницы Царского Села, в том числе и воспитанники Лицея и Пансиона с гувернерами, и слушали музыку, собираясь вокруг хора музыкантов или прохаживаясь вдоль обширного дворцового двора. В 9 часов музыка оканчивалась зарею с церемонией и вечернею молитвой, перед которой хор играл чудный гимн «Коль славен наш Господь в Сионе». По окончании всего публика расходилась во все стороны, и лицеисты возвращались по близости в Лицей, а пансионеры через сад в Пансион к ужину. Эти прогулки на музыку были для них в своем роде праздником и приятным развлечением.

Кроме того, воспитанники Пансиона в августе, мае и июне ходили гулять по-классно с гувернерами в недельные дни после вечернего чая в большой сад, где нередко катались на лодках и иногда с пением, а в воскресные и праздничные дни после обеда или вечернего чая — и далее, а именно: или в Баболово, или в Павловск, или другие окрестности Царского Села. Всех интереснее и приятнее были прогулки в Павловск, уже описанные выше в осенних месяцах. Но тогда по краткости уже дней и темноте вечеров они совершались после обеда, весною же и по вечерам. В это время воспитанникам Пансиона, кроме всех удовольствий в Павловске, о которых говорено, случалось бывать и в Павловском дворцовом театре (бывшем на том месте, где

Музыка и гуляния в майские
вечера

теперь гимнастическая мачта с сеткой для детей). Тут в присутствии Высочайшего двора давались представления русской и французской труппами придворных актеров, большею частью — русской оперною, которая тогда была очень хороша. Украшением ее были: Самойлов-отец — бас, Климовский — тенор и Нимфодора Семеновна Семенова — сопрано. Репертуаром служили оперы «Сорока-воровка», «Водовоз» и др., в которых особенно хороши были Самойлов и Семенова. Эти придворные спектакли в присутствии двора были не без значения для воспитанников Пансиона, доставляя им случай видеть Государя, Императриц и особ Императорской Фамилии, и среди отборного общества слышать хорошую музыку, хорошее пение и проводить время столько же приятно, сколько скромно и прилично.

4. Лето (июнь и июль)

О лето, лето горяче,
Мухами обильно паче,
Только тем не любовно,
Что не грибовно!
В.К. Тредьяковский

Летние переживания пансионеров

Сии вирши онаго преблагознаменитого мужа, Элоквенции профессора и всероссийского пинта только на одну треть относились к воспитанникам Пансиона. Из горячего и обильного мухами, но негрибовного лета на их долю выпадал только июль с каникулами вне Пансиона; вторая же половина июня и август с 1-й половиной сентября, не всегда горячие и обильные мухами, но нередко дождливые и грибовные, проводились ими, говоря языком стихотворным, под сению Пансиона. В июле же на каникулах, под сению родного крова ни горячая температура лета, ни обилие мух, ни даже негрибовность его не в состоянии были ни на волос убавить счастья провести этот блаженный медовый месяц дома на воле. Недаром же к этому июлю стремились все самые жаркие, задушевные и сердечные желания пансионеров, малых и больших, от Фоминой недели до минуты роспуска включительно! Но эти желания, мечты и ожидания нисколько не вредили экзаменам, а напро-

тив, служили отличным поощрением к наилучшей сдаче их. Кому же было приятно, воротясь домой, порадовать родных вестью о переводе в высший класс, а лучшим и с наградой — хорошей книгой, эстампом или похвальным свидетельством; выпускным же — о выпуске по 1-му разряду (X классом или в Старую гвардию) или по крайней мере по 2-му (XII классом или в молодую Гвардию). Не совсем же ловко было явиться домой оставленным в том же классе или выпущенным с чином XIV класса, либо офицером армии. Домашняя скорбь в последнем случае бывала сильнее домашней радости в первом, и каждый, если только не одолевала бездарность или лень, рвался изо всех сил порадовать отца и мать, братьев и сестер, родных и знакомых, и встретить их радостный, веселый прием, поздравления и всякое ублажение. Каждый заранее знал, что вносил этим утешение и радость в свою семью — и удваивал старание, не щадил сил, чтобы не только не отстать, но коли можно было, и перегнать, и стать из первых.

Июнь — пора экзаменов

Настали наконец экзамены, и переводные, и выпускной публичный. Первые продолжались весь июнь месяц, последний же происходил и оканчивался большею частью в 1-й половине этого месяца. Во время экзаменов вообще внутренняя жизнь Пансиона несколько изменялась тем, что ни классов, ни особенных по крайней мере дальних прогулок на неделе уже не было, а вместо того были усиленные занятия по утрам, а в старших классах, особенно VI выпускном, и по вечерам, и даже за полночь для приготовления к экзаменам. По утрам и внизу, и вверх, в спальнях у входов и дверей почти везде виднелись условные знаки пробуждения дежурными дядьками за 1, 2 и даже 3 часа; те полотенца, связанные в 1, 2 или 3 узла.

Переживания до и после экзаменов

Со светлыми в июне вечерами и ночами, при открытых окнах, теплом воздухе, зелени сада и окрестных полей и лесов уже в полной силе при раннем восходе солнца и прелести раннего июньского утра — эти утренние и вечерние, экстренные приготовления к экзаменам заключали в себе столько приятного, что заставляли легко переносить и лишение себя сна, и утомительный сидячий труд. Надежда успеха и затем — отдохновения, освежения сил, развлечения и удовольствий во время каникул одушевляла всех и каждого одинаково и восполняла собою и все лишения, и все труды. В перевод-

ных экзаменах, однако, это было легче, нежели в выпускном, потому что они были с промежутками, в которые можно было и отдохнуть, и размяться на воздухе прогулками или играми на пансионском поле. Кроме того, переводные экзамены были домашние в своих классах.

Последнее испытание — череда публичных выпускных экзаменов

Но выпускные происходили почти ежедневно, без промежутков, по утрам в большой зале старших классов, в присутствии всего лицейского и пансионского начальства и публики — родителей, сродников, знакомых и, как говорится, любителей просвещения, приезжавших из Царского Села, Петербурга и иных мест. Для этого в глубине залы, возле IV класса, посреди стены ставилась большая учебная доска, по обе стороны ее полукругом — одиночные классные скамейки, на которые садились выпускные воспитанники VI класса, а посреди залы, против доски — большой стол, крытый красным сукном, за ним в первом ряду кресел восседали власти и почетнейшие посетители, а в следующих рядах остальные. Профессор экзаменуемого предмета садился сбоку возле учебной доски, если предмет требовал письма на ней, или же стоял, либо сидел сбоку возле экзаменаторского стола. Экзаменуемые, по назначению старшего председательствовавшего, отвечали с места стоя по изусным вопросам или у доски, — а на экзамене из опытной физики — у аппаратов посреди залы. При этом, по некоторым вопросам, например, Закону Божию, русской и иностранной словесности, математическим, историческим и государственным наукам экзаменуемые читали собственного сочинения диссертации. Последним экзаменом большею частью бывал экзамен из опытной физики и химии, с опытами электричества, гальванизма, магнетизма и т.п. Этим заключался публичный выпускной экзамен, власти и посетители удалялись, а для выпускных — двери Пансиона развешались настежь, для выхода из него навсегда, на волю, на все четыре стороны и уж одних, без сопровождения гувернера или дядьки!

Радость и грусть окончания Пансиона

Радость и ликование — безмерные! Шесть лет — а кому и более — пребывания в Пансионе со всеми его радостями и горем, все исчезало в одном ощущении невыразимого счастья быть на свободе и ринуться в свет и его кипучую жизнь со всеми их столь заманчивыми и употительными для молодежи наслаждениями. Эта ра-

дость ослабляла неизбежное чувство скорби при прощании и разлуке с товарищами, остававшимися в Пансионе, с наставниками, воспитателями и даже с прислугой. Да и времени на это было немного: обыкновенно к последнему дню экзамена у выпускных все уже было готово к немедленному отъезду из Пансиона — и все разъезжались из него в тот же день в разные стороны, большею частью в Петербург. Но случалось, что до того все, либо большая или меньшая часть выпускных, собирались где-нибудь в Царском Селе, в семействе одного из товарищей на обед, и уже после него разъезжались с тем, чтобы в следующем августе снова съехаться на акт, на котором провозглашались результаты выпуска и раздавались аттестаты и награды медалями или похвальными листами. В последний раз собравшись на акте, выпускные уже окончательно расставались и с Пансионом, и с его воспитанниками, и даже со многими сотоварищами по выпуску с тем, чтобы, может быть, никогда в жизни с ними более не встречаться! Но в эту минуту едва ли кто помышлял о вечной разлуке, и она приходила на ум и ложилась на сердце лишь гораздо позже, когда лета и опыт жизни все более и более давали себя чувствовать.

Наконец разъехались выпускные, опустела и классная комната их, и спальни их, и стол их в столовой, и для оставшихся товарищей приметно и чувствительно чего-то и чего-то недоставало... Но это было лишь мгновенное чувство: продолжение и окончание переводных экзаменов и ожидание скорого, давно желанного выпуска на каникулы скоро изглаживали тяжесть разлуки, и все продолжали по-прежнему свои усиленные приготовления к последним экзаменам.

Настал и им конец, а с ним и рождество на каникулы — и все пришло в движение, все радостно и шумно зашевелилось в Пансионе. И те же самые сцены, которые были описаны выше по случаю возвращения с каникул к 1 августа в Пансион, повторяются и теперь с тою только разницею, что в них заметны необыкновенные: оживление, торопливость, радость и веселье... В самом скором времени Пансион пустеет на целый месяц, и в нем, вместо молодой учебной семьи и ее занятиями и развлечениями, водворяются рабочие для ремонтных исправлений и освежения Пансиона к 1 августа.

Месяц каникул — и жизнь Пансиона вновь начинает свой круг